

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ в одной из съемочных групп на «Ленфильме». «Миша», — представился он. «Так мне вас и называть?» — спросил я. «Конечно!» — улыбнулся актер. — А как же еще? Он выглядел немного расстроенным. Один из кинорежиссеров пригласил его в свой фильм, но предложил роль... Михаила Боярского. Да, да, именно так — сыграть самого себя в крошечном эпизоде. Так сказать, оживить своим присутствием эпизод, а соответственно и фильм. Боярский вежливо отказался. Не потому что его — популярнейшего актера — шокировал всего лишь короткий эпизод в фильме. Просто ему хотелось играть, а не изображать самого себя, теша поклонников. Не знаю, как другим, но мне этот отказ понравился, мне он открыл в Боярском многое. И прежде всего серьезное отношение к актерской профессии.

Поговорить обстоятельно на киностудии нам не удалось: день у Боярского был расписан по минутам — репетиция в театре, запись на радио, а кроме того, обычные житейские заботы. Ведь он, как говорили в старину, еще и глава семейства, отец годовалого Сережи. Мы встретились вечером за час до начала спектакля «Дульсинья Тобосская» в театре Ленсовета, где Михаил работает уже пять лет.

— Читатели нашей газеты часто спрашивают в своих письмах в редакцию: Боярский — певец или актер? Одни считают вас хорошо поющим актером, другие — певцом с хорошими актерскими данными. А как бы вы сами ответили на этот вопрос?

— Я актер. И если некоторые зрители думают иначе, то скорее всего благодаря радио и телевидению, где я, в основном, пою. Даже когда в концерте выхожу как драматический актер, из зала просят — спойте! А я с радостью почитал бы зрителям стихи.

— Вы родились и выросли в актерской семье, так что с детства были, как говорится, «под колпаком» театра. А родись вы в семье врача, инженера, учителя...

— Все равно стал бы актером. Конечно, нельзя отрицать влияния среды, в которой вырос. Но это не главное. Я знаю много примеров, когда дети актеров не выбрали театр. Может быть, именно потому, что хорошо узнали, что это такое. Но если театр — в человеке, не миновать ему сцены.

— Значит, уже в детстве вы почувствовали какие-то проявления «болезни» сценой.

— Я был обманщиком, легко сочинял неправду. Например, для учителей. Опоздал, скажем, на урок истории, учитель спрашивает: «Миша, почему ты опоздал?» Я отвечаю: «Контролер в трамвае не отпускал». «То есть?» — удивляется учитель. «Ну, сидел я, читал историю и так увлекся, что забыл взять билет. А тут — контролер...» Учитель не только верил, но и «таял»: как-никак его предметом ученик увлекся. А я удивлялся: верит? Значит, рассказываю так, что верит. Мне нравилось быть... правдивым обманщиком. Нравилось — это, видимо, и было началом театра во мне. Для каждого учителя я сочинял специальную правдоподобную неправду, для каждого была у меня своя роль. Но играл я эти роли не очень часто, понимал: перегибать палку нельзя.

— Большинство зрителей знают вас как актера кино. И как-то само собой утвердилось мнение, что Боярский играет в основном в картинах романтических или сказочных — «Собака на сене», «Мама»... Вам и в театре такие роли нравятся больше?

— Во-первых, мне и в кино довелось играть довольно бытовые роли — в фильмах «Старший сын», «Комиссия по расследованию». Что до театрального моего репертуара, судите сами: Советник в «Снежной королеве», Луис в «Дульсинье Тобосской». Это характерные драматические роли. Играю в спектакле «Станция» по пьесе Назыма Хикмета довольно сложный психологический характер... Театр дает мне широкую возможность проверить себя в разных амплуа. Я бы мог, видимо, и в фильмах найти различные драматические краски для своих героев. Но пока в кино все складывается не совсем так, как хотелось бы...

— Можно ли предположить, что не только на экране, но и в жизни вы — натура романтическая?

— Нет, не надо так предполагать. Я «заземлен». И... мне просто некогда быть романтиком.

— В спектаклях театра вы так же много поете, как и в кино?

— По крайней мере в половине своих театральных работ я непременно пою. Вообще очень трудно не петь в спектаклях театра, ко-

торым руководит Игорь Петрович Владимиров, человек чрезвычайно музыкальный, любящий и прекрасно понимающий песню и ее роль в спектакле, вообще в жизни. К слову сказать, в одной из первых своих ролей в кино (Скворешня в «Тайне двух океанов») Игорь Петрович сам пел и играл на аккордеоне.

— Вы наверняка получаете много писем. О чем вам пишут зрители?

— Чаще всего письма, увы, стереотипные. Я даже иногда по почерку могу угадать, от кого и о чем письмо. Много писем — от детей. Эти письма наивные, простые, трогательные. «Приезжайте к нам на дачу. Володя». Или: «д'Артаньян, пришлите свой костюм». При寄ают изображающие меня рисунки. Один мальчик нарисовал меня и в письме объяснил, что это совсем легко и просто: черная шапка волос, черный свитер и черные усы — вот и готов «портрет Боярского».

— А за что авторы писем вас ругают?

— Если ругают, то за все. И за песни, и за то, что снимаюсь там, где, как считает автор письма, не надо было сниматься. Иногда категорически требуют: не пойте!

— И тем не менее, каким вы видите свое будущее исполнителя песен?

— Постараюсь не огорчать слушателей, которым мое пение нравится... Возможно, скоро буду петь не один — с ансамблем.

В чем, по-вашему, плюсы и минусы популярности?

— Мне стало легче доставать интересные книги и железнодорожные билеты. Это, конечно, плюсы. А минусы? Скорее сложности. Люди хотят от меня больше, чем я пока могу дать им как актер.

— О какой роли мечтаете?

— Мне пока важна не сама роль, а режиссер, с которым я буду ее готовить. Можно ведь плохо сыграть Гамлета и хорошо показаться в небольшом эпизоде. В театре у меня прекрасный учитель — Игорь Петрович Владимиров. А роль?.. Жорж Дюруа. Не простой характер. Вообще, роман «Милый друг» надо читать позже, чем это делают многие. Тогда можно вернее понять, о чем роман, понять, насколько драматична в сущности судьба Жоржа Дюруа.

— Ну, раз уж наш разговор вышел на шуточный лад, расскажите о каком-нибудь курьезе, который случился в вашей жизни.

— О, их было много, и я всегда люблю рассказывать о них. Подождите, сейчас вспомню... Вот! Снимался я в картине «Невероятные приключения Маши и Вити» в роли кота Матвея. В одном из эпизодов кот-хулиган должен был стрелять из рогатки яблоками. Я спросил: «В какую сторону стрелять?» Режиссер говорит: «В сторону камеры». «Стоит ли? — спрашиваю. — А вдруг...» «Ничего не будет, стреляй». А яблоко попало... ну как каменное. Я стрелянул и... попал в объектив, новенький, очень дорогой. Объектив — вдребезги!

— Очень смешно.

— Была большая пауза. Потом оператор незабываемым, идущим из самых глубин его души голосом произнес: «Съемка окончена». Но люди не расходились. И в тишине кто-то сказал: «Во всяком случае Боярский помог группе досрочно завершить съемочный день».

Беседу вел Л. ДНЕПРОВСКИЙ.